

УДК 1. (091)

СОЦИАЛЬНЫЕ АНТАГОНИЗМЫ В КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НОАМА ХОМСКОГО

И.А. Евдокимов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются взгляды Ноама Хомского на формы социального устройства. Исследуется авторское мнение о сущности государственных институтов. Демонстрируются основные социально-экономические проблемы и выявляются их причины. Рассматривается анализ проблем соотношения интересов, содержания наемного труда и причин сохранения эксплуатации, угнетения и отчуждения.

Ключевые слова: институты, институционализация интересов, классовая структура, классовые интересы, труд, эксплуатация труда, социальное устройство.

Пытаясь понять сущность государственных институтов, Ноам Хомский пришел к выводу о необходимости исторического анализа опыта различных народов с обязательным изучением интеллектуальных, философских, общественно-политических течений и производственно-экономических отношений. По его мнению, при изучении общественных отношений необходимо выявлять классовую структуру государства и вскрывать влияние на нее институтов.

Анализируя классический либерализм, Хомский делает заключение, что он есть оппозиция по отношению к любым формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь. Влияние государственных институтов в классическом либерализме иногда допускается, однако стоит отметить, что оно должно быть минимальным и обязано носить созидательный характер, имея направленность в сторону улучшения качественной составляющей бытия людей. Данные тезисы, по мнению Хомского, весьма хорошо знакомы, однако их аргументация все еще находится на периферии интеллектуального обсуждения. Поэтому важным для него становится изучение произведений Вильгельма фон Гумбольдта, который отметил, что государственные институты всегда стремятся трансформировать человека в инструмент, необходимый исключительно для обслуживания чьих-то интересов и их произвольных целей. Гумбольдт заметил, что в такой системе мнение обычного человека, не имеющего допуска к государственной власти, ничего не значит. Он пришел к выводу, что если люди стремятся к свободе и самосовершенствованию, то государство как институт, ограничивающий их в этом, стоит признать институтом антигуманным [15, с. 12–13]. Гумбольдт сделал заключение, что сам факт существования и деятельность государства есть противоречие гармоничному и всестороннему человеческому развитию. Хомский указывает, что эта проблема, ставшая одной из самых важных, в XIX в. подверглась активному обсуждению Карлом Марксом и Михаилом Бакуниным, поэтому их труды заслуживают особого внимания.

Здесь стоит сделать ремарку и указать, что для Бакунина государство есть институт, отнимающий у человека естественные свободы, дарованные

ему самой природой. Он указал, что, являясь частью мира природного, человек ограничен исключительно законами биологическими, однако стоит ему стать биосоциальным существом, находящимся и действующим в границах определенного государства, как он тут же оказывается под гнетом институциональной структуры [5, с. 128]. Бакунин отметил, что нужно уметь различать законы естественные и социальные. Государственные институты, по его мнению, создают законы, направленные на формирование или сохранение определенной классовой структуры, позволяющей истеблишменту эксплуатировать трудящееся большинство [1, с. 57]. Нельзя не отметить, что на проблему соотношения интересов в границах законов обращал внимание и Фридрих Энгельс, в переписке с Фридрихом Альбертом Ланге указавший, что человек, не имея возможности изменить законы природы, меняет законы социальные, которые появляются, изменяются и устраняются в результате конкретного и целенаправленного воздействия частных интересов [9, с. 392–395]. Аналогичные суждения прослеживаются и у самого Хомского.

Для Маркса государственные институты и гражданское общество находятся в состоянии сильной оторванности. Это значит, что человек, существующий в таких условиях, отчужден от других людей [3, с. 237–238]. Поэтому ему приходится подвергать себя расщеплению. Как гражданин государства он обнаруживает себя в двухэлементной организации: в бюрократической – она есть формальное определение государственных институтов и власти – и в социальной, т.е. организации общества гражданского. Однако во второй организации он находится в позиции частного лица и стоит за пределами государственных институтов [8, с. 163]. Одной из проблем для Маркса становится поощрение государством такой общественной структуры, которая позволяет истеблишменту эксплуатировать и отчуждать трудящееся большинство [4, с. 228–230]. На это указывает и сам Хомский.

Возвращаясь к Гумбольдту, Хомский отмечает, что для него были важны процессы созидания и познания. Именно их он признавал центрами поисков людей. Отнимая у людей возможность познавать и созидать, государство отчуждает их. Поэтому Хомский приходит к выводу, что Гумбольдт смог обнаружить основы теории отчужденного труда и эксплуатации, став предшественником Маркса. Данное замечание Хомский иллюстрирует заявлением Гумбольдта о том, что труд, приносящий человеку искреннее удовольствие благодаря изобретательности и воображению, есть развитие физическое и интеллектуальное [17, с. 43–44]. Поэтому труд должен быть свободным от эксплуатации и отчуждения. Вся трудовая деятельность, формирующаяся в результате обязательных предписаний и указаний, есть нечто чуждое. По мнению Гумбольдта, чем глубже проникает механизация человеческих отношений, тем более это деформирует сознание индивида. Из этого Хомский делает вывод, что для Гумбольдта бытие человека есть творчество и познание, причем вне зависимости от возраста [15, с. 18]. Хомский вновь вспоминает Маркса, указавшего на то, что эксплуатируемый человек чувствует себя истощенным, морально униженным и отчужденным, а предметные условия осуществления рабочей силы есть чуждые и самостоятельные силы [10, с. 120–122]. Это есть деформация отношений, возникающих в процессе взаимодействия субъекта и объекта. Ссылаясь на Роберта Такера, Хомский отмечает, что для Маркса

са революционер есть разочарованный производитель, а не неудовлетворенный потребитель.

Хомский приходит к выводу, что определенные классические интеллектуальные либеральные идеи тяготеют к антикапиталистической позиции. Он отмечает, что эти идеи имеют значение, но из-за технических, технологических и социально-экономических перемен требуют некоторой корректировки. К примеру, Гумбольдт слишком сильно акцентировал внимание на ограничении воздействия государственных институтов, не замечая опасности частной власти. Хомский показывает, что капиталистическая экономика в определенных отраслях стала абсурдно хищнической и привела к серьезным разрушениям человеческой среды. В данном случае стоит вспомнить В.И. Ленина, который указал на то, что одной из проблем капиталистического хозяйства становится отсутствие способности и желания беспокоиться о гармоничном применении технических и научных достижений в процессе производственной деятельности. По мнению Ленина, собственники крупного капитала чаще всего волнуются о повышении нормы доходности, не задумываясь о том, как внедрение технических новшеств отразится на земле и характере труда [7, с. 172–175]. Поэтому центральным для него становится повышение уровня значимости профессиональных союзов, способных сформировать научно-технические правила, способствующие снятию подобных отрицательных явлений. Соглашаясь с этим, Хомский отмечает, что большой бизнес видит смысл в финансировании научных исследований, но желание это связано далеко не с принципами гуманизма. Коммерческие структуры, вливая огромные инвестиции в науку, прикрываются благими намерениями, но на самом деле желают эксплуатировать результаты в своих корыстных интересах [16, с. 311].

Ссылаясь на Карла Поланьи, Хомский отмечает, что саморегулирующийся рынок нередко подрывает гуманные основы, физически уничтожая человека и превращая в пустыню мир, в котором он существует [15, с. 22]. Поэтому необходима социальная защита, призванная сдерживать деструктивное и иррациональное функционирование классической формы свободного рынка.

Хомский замечает, что хотя Гумбольдт не смог вскрыть некоторые отрицательные социальные тенденции, его критика государственных институтов, заорганизованности и бюрократии есть актуальное предостережение. Поэтому Хомский признает, что он смог предвосхитить общество, в котором взаимодействие построено на принципах свободы, без карательных государственных институтов, – общество, где люди, получив свободу, смогут созидать и познавать.

Подводя итог своего анализа классического либерализма, Хомский делает вывод, что его концепция связана с важностью свободного созидания и поощрения всестороннего развития. Поэтому классический либерализм противостоит эксплуатации труда, отчуждению, наемному рабству, авторитарным принципам экономической и социальной организаций.

Исследуя либертарианский социализм, Хомский вновь возвращается к Бакунину, ссылаясь на его высказывание, что стать анархистом можно, лишь прежде став социалистом. Дополняя это утверждение, Хомский цитирует Адольфа Фишера, указывавшего, что анархист является социалистом, но далеко не каждый социалист становится анархистом. Методичный анархист противостоит частной собственности на средства производства, однако такая соб-

ственность, как указывал Пьер-Жозеф Прудон, есть одна из форм кражи. Одновременно с этим анархист выступает против государственной организации производства. Цель рабочего класса в этой системе заключается в освобождении трудящихся от принудительной эксплуатации. Однако, по мнению Антона Паннекука, этой цели невозможно достичь, если заменить один управляющий класс другим [там же, с. 33]. Подобная система может существовать, если рабочие возглавят производство. Изучая эту мысль, Хомский замечает, что в жестких условиях авторитарного господства классические либеральные взгляды, выраженные также Бакуниным и Марксом, не имеют возможности для реализации из-за внешнего давления [там же, с. 38]. Но если репрессивные институты столкнутся с сопротивлением, а социалисты либертарианского толка организуются, построив деятельность на последних материальных достижениях, то они вполне смогут сделать центральной интеллектуальной задачей распространение демократических принципов и демократического контроля производственного процесса.

Вспоминая Бакунина, Хомский называет его провидцем, указавшим на то, что «красная бюрократия» будет «самой мерзкой, гнусной, отвратительной и самой опасной ложью» [там же, с. 44–45]. Бакунин писал, что если взять даже самого воинственного революционера и дать ему диктаторскую власть, то спустя некоторое время он «сделается хуже Александра Николаевича» [2, с. 282]. Исторический опыт, по его мнению, доказал отсутствие возможности существования государственных институтов без правительства. Отсутствие правительства приведет к анархии, а анархия сможет разрушить государственные институты.

Хомский отмечает, что схожие заявления можно обнаружить у Фернана Пеллутье, который задавался вопросом о причинах, приводящих к тому, что даже переходные государства превращаются в коллективистскую тюрьму. Для Хомского часть решения этой проблемы лежит в плоскости революционного социального движения, цель которого заключается в радикальных демократических изменениях [15, с. 46]. Здесь он вновь вспоминает Ленина, неоднократно указывавшего на то, что важно сплотить, воспитать и суметь организовать рабочих передовых стран. Только в этом случае можно получить настоящую свободу [6, с. 182–183]. Соглашаясь с этим, Хомский отмечает, что нужно организовать движение таким образом, чтобы внутренние силы смогли препятствовать контрреволюционной интервенции, исходящей из крупнейших мировых центров империализма. По его мнению, эти условия помогут нейтрализовать насильственные государственные институты.

Делая заключение по либертарианскому социализму, Хомский отмечает, что идеологически он вполне согласуется с классическими концепциями либерализма. Однако для либертарианского социалиста государственная власть должна быть не просто ограничена, а упразднена и заменена демократическими формами организации. Для либертарианского социализма важным становится народный контроль над институтами. Осуществлением управления в этой системе должны заниматься как те, кто принимает участие в функционировании институтов, так и те, на кого эти институты оказывают прямое или косвенное влияние [15, с. 48].

Анализ классического либерализма и либертарианского социализма приводит Хомского к вскрытию систематической софистики среди политиков

и интеллектуалов, защищавших эксплуатацию и отчуждение. Хомский ссылается на Жан-Жака Руссо, который осуждал людей, занимавшихся подменой понятий ради ограничения человеческой свободы. Он настаивал на том, что свобода есть естественное право. Отказ от свободы, по Руссо, есть отказ от обязанностей, прав и даже человеческого достоинства [11, с. 121–125]. Подобный отказ не совместим с сущностью бытия человека. Поэтому Руссо приходит к выводу, что лишение человека свободы есть нейтрализация морали. Хомский указывает на то, что схожие мысли можно обнаружить у Иммануила Канта, отказавшегося принимать допущение неготовности людей принять свободу [15, с. 52]. Соглашаясь с этим утверждением, Хомский делает заключение, что разумный человек не способен одобрить насилие и чудовищную эксплуатацию. Но вместе с тем человек, проявляющий склонность к гуманизму и сопереживанию, не станет безосновательно осуждать насилие, способное привести к свободе угнетенных народных масс. Хомский вновь вспоминает Гумбольдта, который немного раньше Канта написал о выборе и свободе как центральных условиях реализации человека. Отказывающиеся это замечать лишь оправдывают свои высказывания и действия, желая сделать из людей примитивных исполнителей.

Хомский особо акцентирует, что при анализе общественных явлений необходимо разделять центральные системы власти: экономическую систему и систему политическую. Политическая власть состоит из людей, определяющих общественную политику, в то время как власть экономическая есть система частных интересов, свободных от народного контроля. Однако, по его мнению, бывают и исключения, но они крайне редки. Хомский замечает, что спектр решений, подпадающих под реальный, а не мнимый демократический контроль, весьма узок. Главной проблемой здесь становится отсутствие возможности общества влиять на ключевые элементы, такие, как промышленность, коммерция и финансовая система. Он делает вывод, что демократическая система при капиталистической демократии сокращена до очень малого количества действительных полномочий [15, с. 64]. И даже в пределах этих полномочий она оказывается под влиянием частных интересов и пассивной модели мышления, навязанной господствующими хищническими институтами. Поэтому, по мнению Хомского, демократия и капитализм не могут быть гармонично совмещены, если учитывать нужды простого народа. Сливаясь, капитализм и демократия вполне могут привести к появлению империй, основанных на власти транснациональных корпораций, демонстрирующих тенденцию к систематическому росту [там же, с. 73]. Для Хомского данная проблема вполне реальна. Свои слова он иллюстрирует примерами действий крупных корпораций, постоянно переносящих рабочие места в страны, где местное население подвергается гонениям и репрессиям. Там корпоративная машина увеличивает темпы роста производства эксплуатацией дешевой рабочей силы. Таким образом обеспечивается регулярный рост прибыли. Добиться этого намного проще благодаря техническим и технологическим достижениям, способствующим свободному и быстрому перетеканию капитала [16, с. 108]. Хомский указывает, что данный процесс истеблишмент предпочитает именовать «свободной торговлей». Однако за этим термином скрывается грубая эксплуатация рабочей силы, преступные манипуляции с налоговыми платежами и нежелание выполнять установленные требования экологического законодатель-

ства. По его мнению, крупные организации образуют альянсы, чтобы усилить свою роль в управленческих процессах на глобальном экономическом уровне. Поэтому наблюдается усложнение и переплетение как национальных, так и межнациональных организаций – социальных институтов с высоким уровнем централизованного регулирования. Они формируют не свободные и демократические отношения, а частно-командные, получая новые возможности для реализации своих интересов [там же, с. 304–305]. Поэтому Хомский приходит к выводу, что свободная торговля есть концентрация власти.

Процессы корпоративной глобализации приводят к тому, что увеличивается разрыв между действительными потребностями и возможностями. Этот процесс сопровождается культурным отчуждением и повышением экономической стагнации [14, с. 376]. Одновременно наблюдается усиление корпоративной пропаганды, цель которой заключается в подрыве демократического фундамента [17, с. 33]. Хомский вспоминает о том, что ближе к середине XIX в. рабочие крайне негативно относились к формирующейся системе промышленности, вынуждавшей их становиться подданными в руках тиранов и принимать положение рабов состоятельной аристократии, угрожающей уничтожить любого, кто попытается оспорить ее право угнетать и поработать обездоленных и нищих. Подобную форму отношений рабочие считали грубым наступлением на свободу, культуру и принципы. Поэтому аристократии понадобилось немало времени и сил, чтобы вытеснить из человеческих умов эти воззрения, вынудив людей примириться с системой отношений, в которой, используя терминологию Вудро Вильсона, большинство людей становятся обслуживающим персоналом корпораций [18, с. 322].

Это приводит Хомского к пессимистичному выводу, что ни изменения в характере труда, ни перемены в формах административного контроля, ни достижение относительного выравнивания в потреблении не могут возместить того, что решения, оказывающие прямое воздействие на жизнедеятельность человека, получают реализацию за закрытыми дверями [16, с. 110].

Другой проблемой, охватывающей не только государственный капитализм, но и государственный социализм, становится непрерывная милитаризация общества. По мнению Хомского, причина заключается в том, что конкурентоспособность со стороны государств нередко заключается не в производстве полезных предметов потребления или средств производства, а в создании предметов роскоши. Военное производство является одной из самых главных категорий предметов роскоши, способных производиться абсурдно долго, очень быстро изнашиваться и морально устаревать, причем без каких-либо разумных ограничений или пределов. В качестве примера он приводит времена холодной войны, когда идеологии нередко использовались для субсидирования империалистических систем или милитаризованного государственного устройства. По его мнению, либерализм в таких системах хоть и может существовать, однако его слой невероятно тонок.

Еще одной проблемой при государственном капитализме становится соотношение интересов. Хомский замечает, что корпоративные элиты собственников и управленцев правят как политикой, так и экономикой. И пусть они имеют не абсолютную власть, но их возможности крайне широки. Что касается роли обычного народа в этой системе, то он вынужден делать выбор из «авантюристов из правящих классов», выражаясь в терминологии Маркса [15,

с. 85–88]. Дополняя этот аргумент, Хомский вспоминает Йозефа Шумпетера, заявлявшего, что политики нередко объединяют усилия и в конкурентной борьбе действуют сообща. Подтверждается это тем, что разные партии принимают практически одинаковые решения. Поэтому доминирующие политические направления выражают крайне консервативную идеологию, направленную на удовлетворение интересов истеблишмента. В самой системе заложены предпосылки подобного поведения, потому далеко не всегда между политиками может существовать заговор.

Получив власть, элита начинает заниматься софистикой, используя ложную терминологию. Ярким примером здесь становится существование термина «национальные интересы», который, по мнению Хомского, есть прикрытие частных интересов. Подмена понятий дает элите возможность обслуживать свои интересы за счет трудящегося населения. Это нередко приводит к уничтожению прав человека и ликвидации демократического курса [17, с. 22]. Хомский справедливо замечает, что господствующий класс не способен сознаться в том, что он осуществляет угнетение. Поэтому истеблишмент навязывает народу идею о том, что угнетение, отчуждение и эксплуатация есть благо [13, с. 159]. Хомский отмечает, что подобную тенденцию можно заметить практически на любых исторических этапах.

Одновременно наблюдается усиление влияния частных интересов и систематическая ликвидация прав рабочих. Хомский называет это уничтожением права на само бытие. Это приводит к созданию системы, при которой истеблишмент, имеющий экономическую власть, заручается поддержкой государственных институтов, тем самым обретая власть политическую. Что касается остальных людей, то они используются для выполнения грязной работы, получая несоизмеримо мало по сравнению с результатом трудовой деятельности. А если человек проявляет недовольство, то на его место становится тот, кто готов безоговорочно подчиняться.

Эти тенденции подробно вскрыты Марксом, указавшим на то, что реализация труда становится процессом, который приводит к лишению труда настоящей действительности. Труд объективно мыслит себя, но данная объективность есть бытие собственного небытия. В трудовой деятельности обнаруживаются чуждые труду возможности, образующие благосостояние собственников капитала в противоположность самому труду. По Марксу, объективные условия трудовой деятельности деформируются и превращаются в антагонистическую противоположность так, что трудовые силы, научные достижения, материальный прогресс и даже силы природы делают трудящегося лишним человеком, принуждая его к подчинению капиталистической тирании. В случае отказа быть частью подобной системы социально-экономических отношений он оказывается на периферии своего бытия [10, с. 549–551]. Имея схожие мысли, Хомский отмечает, что в настоящем простым людям приходится сталкиваться с частной тиранией, которая сознательно создавалась с целью ограничения действий людей [17, с. 34]. Зависимость в таких отношениях определяется не тяжестью трудовой деятельности или покорностью, а тем, что роль человека сводится к вещественному состоянию. В такой системе человек становится инструментом.

Анализ разных форм социального устройства приводит Хомского к выводу, что любые идеологии государственного капитализма или государ-

ственного социализма есть неадекватные и регрессивные социальные теории, оторванные от реальных потребностей людей. Поэтому важными для него становятся концепции либертарианского социализма. Под данным термином Хомский понимает комплекс самых разных воззрений: от левого марксизма до анархизма. Стоит добавить, что особое место в его социальной теории отводится анархо-синдикализму, на формирование которого оказали влияние Бакунин и Прудон. Хомский замечает, что люди сами способны организоваться без внешнего принуждения. Они в состоянии полностью контролировать производственный процесс в соответствии с реальными нуждами населения. По его мнению, именно такая форма отношений способна дать наиболее эффективный результат.

Анализируя социально-экономические проблемы настоящего, Хомский отмечает, что человек вынужден осуществлять практически любую деятельность в условиях рыночного гнета. Его права отныне определяются рынком труда [17, с. 37–39]. Однако проблема в том, что в рыночных условиях у рабочего отсутствуют какие-либо права. Эрих Фромм называл это «ориентацией на рынок», указывая, что человек, существующий в нынешнем капиталистическом обществе, не способен чувствовать себя полноценной личностью. Он принимает бытие вещи, чувствуя себя товаром, который должен быть реализован в рыночных условиях. Поэтому человек перестает чувствовать себя создателем и носителем собственных сил. Его главной целью становится выгодная продажа личных социальных навыков и качеств, полученных в процессе жизнедеятельности. Из этого Фромм сделал вывод, что чувство самости человека, существующего в условиях рынка, вытекает из его социально-экономической принадлежности [12, с. 147].

Хомский заявляет, что малоимущие и простые рабочие все еще вынуждены находиться в жестком подчинении у рыночной дисциплины, поэтому процессы отчуждения, подробно описанные Марксом, сохраняют свою актуальность [17, с. 39]. В то время как трудящееся население продолжает беднеть и находиться под гнетом эксплуатации, истеблишмент все больше усиливает власть. Нищенское положение вынуждает трудящихся принимать рыночные условия и просить позволения на возможность обогащения у привилегированных классов. Наблюдается повсеместный разрыв между институтами власти и общественными сферами [13, с. 122–123].

Исходя из этих размышлений, Хомский приходит к выводу, что человечество, несмотря на материальные достижения, возвращается к господствующим отношениям образца XIX в. Именно тогда была предпринята широкая попытка проанализировать сущность наемного рабства со стороны не только интеллектуалов и мыслителей, но и самих рабочих, регулярно сталкивавшихся с этой формой отношений. Хомский указывает, что человек становится пленником бытия и институциональной структуры. Проблема отчуждения обнаруживает себя не только в процессе трудовой деятельности, но и на этапах, предшествующих ей. Хомский, ссылаясь на Адама Смита, указывает, что всегда существовали силы, направленные на то, чтобы сделать трудящееся большинство невежественным и глупым [17, с. 54–55]. Поэтому предмет внимания должен лежать в образовательной сфере. По мнению Хомского, большая часть образовательной системы формирует у людей послушание и пассивность. При этом полученные знания помогают человеку адаптироваться к рыночным кри-

териям. Практически с детства людей пытаются лишить критического мышления, подавляя их независимость и стремление к творчеству, созиданию.

Не получая свидетельства об образовании, человек теряет возможность устроиться на работу, способную обеспечить его жизненно необходимые нужды. Поэтому получение образования, особенно высшего, становится социальной потребностью. Но образование подвергается нападкам коммерциализации. Стоимость его получения растет непропорционально высоко, если сравнивать с изменениями в заработной плате. В результате человек оказывается узником экономической системы еще до вступления в трудовые отношения. Массовое навязывание высшего образования для Хомского есть система превращения людей в послушных исполнителей [там же, с. 59–60].

Подобные тенденции заметны не только в образовании, но и в системе здравоохранения. Из-за коммерциализации она дает возможности только тем, кто готов за нее платить. Люди, не имеющие возможности оплатить лечение, остаются наедине со своими проблемами. Такая система безразлична к простому человеку.

По мнению Хомского, самыми разумными вложениями всегда являются инвестиции в человека. Хорошее и доступное образование дает ему возможность стать всесторонне развитым и научиться критическому мышлению, а достойная и бесплатная система здравоохранения позволяет оперативно решать возникающие проблемы, связанные с физическим или психическим здоровьем. От вложений в науку напрямую зависят характер многих видов трудовой деятельности и уровень комфорта жизни людей в обществе. Однако Хомский справедливо отмечает, что важным в данном случае становится не количественная составляющая инвестиций, а их качество.

Когда в науку, здравоохранение и образование внедряются рыночные критерии, то отчуждение достигает невиданных масштабов. По мнению Хомского, данный факт свидетельствует об отвержении основных принципов гуманизма. Обычные люди, даже объединившись, не могут изменить это положение из-за отсутствия адекватного институционального диалога. Частные выгоды в такой системе реализуются вместе с общественным риском. Политические, социальные и экономические авантюры и эксперименты всегда становятся тяжким бременем для трудящегося населения. Хомский подчеркивает, что выгоды истеблишмента всегда частные, в то время как потери несет все общество [там же, с. 97–99]. Истеблишмент получает невероятные возможности для обогащения, но как только частные интересы сталкиваются с проблемами, государство принуждает решать эти проблемы налогоплательщиков. Вложение средств при капиталистической системе является весьма рискованным занятием. Но крупным корпорациям не нужны по-настоящему свободные рынки – они требуют власти. В этом и кроется социальная несправедливость, которую Хомский называет «торжеством лицемерия» [16, с. 304].

Хомский делает вывод: некоторые страны давно достигли такого уровня развития технических и материальных ресурсов, который позволяет удовлетворять все первостепенные потребности человека. Здесь нельзя не вспомнить Маркса и Энгельса, которые указали, что человечество не способно достигнуть освобождения и снятия отчуждения до того момента, пока не будет обеспечено количественное и качественное удовлетворение жизненно важных потребностей. Значимым для них было создание такого материального произ-

водства, которое связано исключительно с повышением уровня жизни людей. По мнению Хомского, требование Маркса и Энгельса для определенных государств стало реальностью. Однако человечеству так и не удалось достигнуть уровня нравственности и культуры, который привел бы к освобождению людей. Демократические формы организации наблюдаются лишь локально, но в глобальных масштабах влияние получает классовая элита, подавляющая любые формы рационального, с точки зрения гуманизма, использования материального благосостояния и власти [15, с. 89–90]. Обычные люди находятся в подавленном состоянии и не верят в улучшение условий жизни. Они чувствуют, что никакие социальные перемены не способны им помочь. В этом Хомский обнаруживает институциональное отчуждение, направленное против человека [16, с. 110].

Список литературы

1. Бакунин М.А. Избранные сочинения Т. 4. М.: Голос Труда, 1920. 269 с.
2. Бакунин М.А. Избранные труды. М.: Рос. полит. энцикл., 2010. 816 с.
3. Евдокимов И.А. Бюрократия и отчуждение от процесса управления // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Экономика и управление». 2017. № 4. С. 237–245.
4. Евдокимов И.А. Гносеологический анализ отчуждения // Философия хозяйства. 2017. № 1. С. 225–232.
5. Евдокимов И.А. Институциональное отчуждение в философии Михаила Бакунина // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Философия». 2017. № 3. С. 128–136.
6. Ленин В.И. Сочинения. 5-е издание. М.: Политиздат, 1968. Т. 19. 628 с.
7. Ленин В.И. Сочинения. 5-е издание. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. 562 с.
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. М.: Политиздат, 1963. Т. 31. 691 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. М.: Политиздат, 1973. Т. 47. 660 с.
11. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013. 640 с.
12. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
13. Хомский Н. Будет так, как скажем мы! М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2013. 256 с.
14. Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: Столица-Принт, 2007. 464 с.
15. Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 104 с.
16. Хомский Н. Как устроен мир. М.: АСТ, 2014. 447 с.

17. Хомский Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзамьяном. М.: Праксис, 2003. 336 с.
18. Хомский Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию. М.: Столица-Принт, 2007. 480 с.

SOCIAL ANTAGONISMS IN NOAM CHOMSKY'S CRITICAL THEORY

I.A. Evdokimov

Tver State University, Tver

The article examines Noam Chomsky's views on social organization forms. Much attention is given to a detailed analysis of the author's opinion on the role of state institutions. It deals with the main socio-economic problems and their causes. Noam Chomsky's analysis of contradictions between social classes, essence of wage labor and causes of exploitation, oppression and alienation is thoroughly discussed.

Keywords: *institutions, institutionalization of interests, class structure, class interests, labor, exploitation of labor, social structure.*

Об авторе:

ЕВДОКИМОВ Илья Александрович – аспирант кафедры экономической теории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь.
E-mail: virginjesse@gmail.com

Author information:

EVDOKIMOV Ilya Aleksandrovich – PhD student of the Dept. of Economic Theory, Tver State University, Tver. E-mail: virginjesse@gmail.com